

ОЛЬГА
НИКОЛАЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИЗМЕНА

Твои (не)желанные

Современный любовный роман

Ольга Николаева

Измена. Твои (не)желанные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094746

SelfPub; 2024

Аннотация

Я его ненавижу. Евгений Аверченко однажды разрушил мою жизнь: просто вычеркнул из своей, когда узнал о ребенке. А теперь, через несколько лет, снова преследует: он хочет быть вместе со мной, будто ничего плохого и не делал. Гордость, обида, самооценка – через все это можно переступить, только чтобы мой сын имел все необходимое. Я готова забыть про все, только бы у Артёма было все лучшее! Но как быть с тем, что у Женьки есть еще жена и сын?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	58
Глава 9	68
Глава 10	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ольга Николаева

Измена. Твои (не)желанные

Глава 1

– О, наконец-то! Я думал, придется уже отменять заказ...
– Парень за стойкой смотрел сквозь меня. Его совсем не волновало, как я добиралась по улицам, затопленным июньским ливнем. Наверное, уже отправил парочку жалоб... – Обещали же за час все доставить?

С моих штанов уже натекла небольшая лужица – грязное пятно на идеальном мраморном полу вестибюля.

– Дим, что ты пристал к человеку? Ты смотрел за окно-то?
Струйка холода проползла по позвоночнику. Разлилась в районе поясницы, замораживая все, что было ниже. Теперь устоять бы на ногах: осложнение после неудачной анестезии, и теперь любое волнение отдавало жуткой болью.

Нет. Нет. Пожалуйста! Пускай, мне это просто показалось! Пусть это будет фантомная боль, ошибка, только не реальность!

– Это не человек. Это девушка. – Тот, кого называли Димой, плюнул в меня своим презрением.

Уже не важно. Главное, чтобы мужчина за моей спиной – был кем угодно, только не Женей! Не моим Женечкой!

– Ты что несешь, малолетка? Извинись. – Женя. Точно он. Смотреть назад не обязательно: жесткий металл в обманчиво мягком голосе – так умел и умеет только он.

И не ругается, а на место ставит одной лишь своей интонацией... Я когда-то млела от этой его способности, мечтала когда-то суметь делать так же...

– Если не можешь выполнять свою работу как следует, значит, не берись. – Заносчивый сноб не хотел сдаваться. – Куда вот она лезет? Зачем таскать огромные рюкзаки, если на это сил нету?!

Я готова была согласиться сейчас с чем угодно. С любым обвинением. Только бы сбежать отсюда побыстрее! Только бы не встретиться глазами с Евгением!

– Уйди отсюда. Просто уйди. Иначе вышвырну, к чертям. И будешь до старости ишачить в курьерах, понял?!

– Ну, Евгений Петрович. Ну, что вы? Разве я не прав? – Задор молодого сноба резко угас, но он еще не хотел сдаваться.

Не теряя времени, подсунула ему терминал для оплаты. Вдруг, мне повезет, и получится сбежать быстрее, чем Женя поймет, кто прячется под мокрой спецовкой службы доставки?

Натянула кепку на лоб, как можно глубже.

Холод давно прошел, меня всю обдавало жаром. Еще чуть-чуть – и от насквозь мокрой одежды начнет подыматься пар.

Нечаянно шмыгнула носом.

– Ушел отсюда, я сказал! – От этого окрика мы вздрогнули одновременно – и я, и молодой пацан. Господи. Я бы с удовольствием унесла ноги. Только сначала нужно принять оплату...

– Девушка, давайте сюда свой терминал. – Не глядя в накладную, не сверяя ни сумм, ни содержимого коробок, Женя провел карточкой, как фокусник, тут же легко убрал ее...

Все это время я изучала шнурки на его лакированных туфлях.

– Приятного аппетита. – Проскрипела дежурную фразу не своим голосом. Могла бы совсем притвориться немой – но нельзя, за такое можно и выгрести штраф...

– Пойдите.

Один шаг мне оставался до свободы! Один лишь шаг – и я смогла бы снова дышать спокойно и ровно. И навсегда забыть этот адрес – вернее, запомнить. Чтобы никогда, ни за какие бонусы, больше не брать сюда заказы!

Этот шаг не случился.

Женя схватил меня за рукав. И так надежно, что вырваться я могла бы, только оставив ему куртку вместе с рукавами. Хотя... Сердце уже оставила когда-то... Куртку могла бы подарить и давно...

Только за окном: ливень, плюс пять и штормовое предупреждение. И если я опять заболею, меня выгонят, и мы снова останемся без еды.

– Девушка. Вы же промокли, остановитесь. Тут есть подсобка, можно согреться, попить чаю, переждать непогоду...
– Он говорил мне в спину, ничуть не смущаясь такого положения. И так мягко, так настойчиво, так добро... Хотелось растаять, послушаться, смириться...

– Мне некогда. – Охрипшее горло опять спасло: сейчас никто и ни за что не узнал бы мой настоящий голос.

– Я хочу оставить вам чаевые. Скажите номер карты или телефона.

И, конечно же, не случайно (у Жени ничего случайного не возможно), он зацепил мой рюкзак. Попросту стащил с моих плеч и уронил на пол.

– Простите. За это неудобство я тоже заплачу.

– Оно того не стоит. Я спешу.

Присев, уронила кепку. Мокрые волосы сосульками облепили щеки, лоб, полезли в глаза.

– Я помогу.

За каким-то лешим уселся рядом тоже. Сердце ухало, как кузнечный молот, от его близости. От того, как он пах: уже совсем иначе, по-взрослому, незнакомо. И в то же время: такой родной аромат, что в носу защипало от накапливающих слез.

За что мне это все, Господи?!

– Олеся?

Узнал. Все-таки, узнал.

Плевать на рюкзак. Отдам за него из зарплаты.

Вскочила на ноги, рванула к дверям...

Позорно поскользнулась: мокрые кеды и мраморный пол никак не сочетаются. С ужасом наблюдала, как нос приближается к холодным плитам. Даже успела представить, как будет больно и стыдно...

Поймал.

Он снова меня поймал.

– Постой же, куда ты? – Сильные руки поперек талии – никакого шанса вывернуться. Прижал к своей спине так, словно от этого жизнь зависела.

– У вас костюм промокнет, отпустите. – Последняя надежда сбежать иссякла. Совсем уже жалобно пискнула: – пожалуйста.

– Евгений Петрович, у вас все нормально? – Молодой незнайка тут же подскочил, горя желанием выслужиться. Подрагивал от старательности, заглядывал Жене в глаза.

– Уйди, я сказал! Забери еду и проваливай. Там парни уже заждались!

От стали в его голосе вздрогнула даже я. А молодой оглянулся, прежде чем уйти... И борзой походкой удалился. Как же я ему завидовала.

– Олеся, ну, это же ты? Правда?

– Отпустите. Мне, действительно, очень нужно спешить!

– Нет. Я тебя не отпущу, Олеся!

Глава 2

Несколько лет назад. В другой жизни

– Привет. Чего тут мерзнешь одна?

Я недоверчиво оглянулась по сторонам. Нет. Никакой ошибки: на крыльце института – никого, кроме нас.

Это что, получается, главный красавчик курса, мечта всех девчонок, сейчас обратился ко мне?

– Я? – Уточнила на всякий случай. Ну, вдруг, он с кем-то по телефону общается? А тут я вылезла...

– А здесь, поблизости, есть еще прекрасные снегурочки? От смущения захотелось провалиться сквозь землю...

А Женька, Евген, Джек – как его имя только ни коверкали – приближался ко мне своим неспешным, кошачьим шагом.

Сыпал снег. Хлопьями, которые беззвучно покрывали все поверхности. Густой, пушистый, больше похожий на чей-то мех, этот первый настоящий снегопад сделал всю округу сказочной.

Но я? Какая из меня Снегурочка? В тонких джинсах, осенних ботиночках и такой же холодной куртке?

Мохнатые ресницы Женьки тоже успели поймать пару снежинок, и теперь так забавно с ними смотрелись...

– Ау? Красавица? Ты с земными людьми не общаешься?

Он, наверное, обладал даром гипноза... В ярко-карих, глубоких, бархатных глазах пряталось и танцевало мое от-

ражение. Засмотрелась на него – забыла, о чем парень спрашивал...

– Что? – Теперь осталось только провалиться под землю от стыда.

Мало того, что выгляжу рядом с ним, как нищенка! Так еще и туплю по-страшному!

– Тебе же холодно, малыш? – Когда он успел подкрасться так близко? Только что стоял у нижней ступени крыльца – и вот уже вплотную ко мне, на самой верхней.

– Нет. – Как назло, вздрагиваю. Зуб на зуб не попадает.

А руководитель практики опаздывает. Ненадолго. Все-го-то на полчаса. Это же не он теперь торчит на морозе!

– Я вижу, как тебе не холодно. – Секунда – и я внезапно укрыта полами его добротной куртки. А нос утыкается в мужскую грудь, затянутую в теплый свитер...

Внутри бушует ураган и выюга. Не знаю, что теперь делать-то: хочется оттолкнуть его, чтобы не распускал руки, не наглед. ... но больше тянет прижаться еще крепче!

– Отпусти. Не нужно так делать! – Гордость пересиливает. Сглотнув комок в горле, пытаюсь спорить...

Но выходит совсем уж позорно: зубы снова стучат от холода, а все тело колотит крупной дрожью.

– Ага. Так я тебя и послушал.

– Это же неприлично, Жень! – Пришибленная стыдом, еле слышно шепчу ему, куда-то в крупную вязку свитера...

Но он все равно слышит: в ответ усмехается, а я щекой

чувствую, как шевелятся все его грудные мышцы при этом.

– Неприлично быть такой красивой, Олесь. И стоять тут в холоде и одиночестве!

Он еще и мое имя знает? Боже. Вот это совсем уже чудо!

Кто я и кто – он?

– Как ты здесь, вообще, оказался? – Между прочим, сегодня воскресенье. И все нормальные студенты спят, а не торчат под закрытыми дверьми универа... Ну, такие, как я, могут еще тащиться на работу...

Женьке работать не нужно, и насиловать себя всякими отработками тоже: у него и с деньгами все круто, и с учебой...

– Пришел спасать тебя, принцесса. – И ни тени насмешки в голосе. Вообще не похоже, что он шутит...

– Если это розыгрыш, то пора уже остановить его. Не нужно меня обнимать, это нехорошо!

Спорю, а сама все льну и льну к нему ближе... И глаза закрываются от удовольствия. От тепла. От парфюма, которым пропитана каждая его клеточка... Загадываю глупое желание: хочу, чтобы моя одежда тоже ухватила капельку этого аромата... Чтобы хоть ненадолго, но я могла бы чувствовать, что он рядом.

Два года безнадежной влюбленности издавна. Заветные мечты. Полная безнадега... И вдруг – мой идеал меня обнимает, греет своим телом, сдувает снежинки с моих волос...

– Что ты делаешь?! – Женька чмокнул меня в нос. Похоже, я потеряла сознание на холоде, и теперь брежу.

И Евгений Аверченко, мечта всех женщин курса, обнимающий меня и целующий, – это галлюцинация.

Сейчас я приду в себя где-нибудь в приемном покое с отмороженными пальцами или руками...

– У тебя кончик носа стал красным. Я подумал, что так помогу ему прийти в порядок.

– Ты пьяный? Или еще под чем-то?

– Ага. – Он снова улыбается, глаза – шальные, красивые губы насмешливо гнутся...

– Тогда уходи быстрее! Скоро препод появится! Не нужно, чтобы он тебя таким видел! Ты же в курсе, с ним шутки плохи – очень принципиальный!

– Только с тобой, Олесь!

– Тебе нельзя показываться в таком виде, Женя! – Смакую его имя, перекаत्याю на языке. Хочется еще раз повторить... Но стесняюсь до онемения. Зубы не разжимаются.

С силой вырываюсь из его рук – и тут же попадаю в плен ледящего душу холода. Тянет спрятаться снова. Но не могу – волнуюсь за его будущее.

– Я из-за тебя пьяный, Олесь. Моя снегурочка. Поймал, наконец-то... – Снова стискивает в объятиях, не дает пошевелиться.

– Да что происходит-то? – Волнение достигает предела. Вдруг, ему нужен доктор? Может, у человека уже интоксикация? А если ему станет плохо?!

– Пойдем, в машине посидим? Хоть немного согреешься?

–Ты еще и на машине?!

Синдром спасателя просыпается с удвоенной силой.

– Пойдем. Только ты за руль не садись! Позвони кому-нибудь, чтобы приехали и отвезли тебя домой, хорошо?

Он согласно кивает и тянет меня за собой. Так и не выпуская из рук. Греет своим теплом.

В принципе, все становится на свои места: и его такое нежное поведение, и ласковые глаза... Одного понять не могу: откуда он знает и помнит мое имя?!

Глава 3

Настоящее

– Мне нужно работать. – Я уже не верила в успех, но все еще упрямо отбивалась. Вдруг, получится, и Женя расслабит руки, и выйдет сбежать?

– Нет. Посмотри, что творится на улице! Куда ты сейчас? Тебя же ветром сдует или смоем ливнем!

Вообще-то, он был прав. И, если бы не эта дурацкая встреча, я бы ни за что не вышла наружу, пока непогода не стихнет хотя бы чуть-чуть.

– Хорошо. – Он был горячим. Во всяком случае, ладони прожигали насквозь – даже сквозь мокрую куртку.

– Вот и славно. – Слегка ослабил хватку. Ровно для того, чтобы можно было развернуть меня и посмотреть в лицо. Но не настолько, чтобы я могла сделать хотя бы шаг в сторону...

– Не прижимайся. Ты весь костюм сейчас испортишь! – На нас уже криво поглядывали девочки со стойки ресепшена. Их неприязненное любопытство заставляло нервничать. Можно подумать, я и сама не знаю, как нелепо и дешево выгляжу на фоне красивого, нарядного, такого успешного Евгения.

– Плевать. У меня есть запасной в кабинете. – Он отмахнулся от аргумента, как от мошки.

– Тогда иди. – Мне нужно было от него отделаться. Сроч-

но. Хотя как-нибудь! Внутри все дрожало – не от холода, от подступающего отчаяния. Эта встреча – худшее, что могло сегодня случиться.

Этакая вишенка на тортике из самого неудачного дня, который только можно было придумать.

– Куда же я пойду без тебя, Олесь? Ты с ума сошла? – Бархатные карие глаза – все такие же теплые, добрые, глубокие. И, как будто бы, наполнены искренней радостью – от того, что может меня созерцать.

И только мне известно, какие они лживые, эти карие очи! Ненавижу их! Ненавижу! Еще больше, чем их обладателя!

– Тебя там люди ждут. – Упрямо отвела взгляд в сторону.

– Никуда не денутся. Я их едой обеспечил, дальше – сами.

И потянул меня куда-то вглубь. В святая святых – туда, куда посторонних, простых курьеров вроде меня, никто никуда не пускает.

Там было ярко, светло и тепло. И ужасно. Потому, что мне там – не место. И еще никогда так это не ощущалось, как сейчас – в грязной, сырой, воняющей каким-то болотом одежде.

– Девочки, у кого-нибудь есть тут сменная форма? Поделитесь, мне нужно человека приодеть. Я возьму, конечно, в двойном объеме.

Пока я плелась, еле переставляя ноги, будто меня вели не в рабочие помещения, а сразу – на плаху, Евгений уже успел надавать распоряжений, о чем-то договориться...

И все вокруг забежали, засуетились... Это вызвало горь-

кую усмешку: харизма Женькина никуда не делась, а только стала сильнее. Он все так же заставлял людей подчиняться, без всяких сомнений...

Вот и я подчинилась. Насиловя себя. Сходя с ума от kloко-чуших в горле ругательств – шла следом. И не сворачивала.

Лифт – огромный, светящийся, как новогодняя елка, благоухающий каким-то дорогим ароматом... Все в этом здании говорило о роскоши, благополучии, богатстве... И Евгений был частью этого всего.

А я... Опять попала куда-то не в свое седло. Но теперь уж точно знала, что мне здесь – не место, и просто ждала момента, чтобы уйти и не возвращаться больше.

– Присядь, Олесь. Ты чего хочешь, кофе или чай? Чай, наверное, лучше согреет... – Он молчал всю дорогу до своего кабинета, только внимательно меня рассматривал. Ни одна мышца не дрогнула на его лице. Ничто не показало ни жалости, ни отвращения, ни недовольства... Хотя я прекрасно знала, о чем Аверченко думает: зеркальные стенки лифта все прекрасно показывали. Не нужно было обладать даром ясновидения, чтобы прочесть его мысли.

Только закрыв за собой дверь, он задал первый вопрос.

– Ты присаживайся, Олесь. – Так и не выпустил мою руку, подвел к огромному кожаному дивану.

– Постою, спасибо.

Это прозвучало грубо. Наверное, можно было бы и помягче, помня, что человек пытается заботиться обо мне...

Но к черту эту заботу! И плевать, если Женька обидится. Мне от него ничего не нужно, даже такая мелочь!

– Олесь, ты что? Посиди, попей чаю. Сейчас тебе что-нибудь сухое принесут. Согреешься, ливень утихнет, я тебя подвезу, куда скажешь...

– Не нужно меня никуда подвозить! – Выкрикнула, а не сказала. Зря. Он не стоит моих эмоций. И знать о моих обидах ему тоже не нужно. Равнодушие и безразличие – максимум, который Женька должен от меня получить.

– Да... Что-то ты совсем не в духе. Присаживайся, это кожа, с ней ничего не случится, даже если вылить пару ведер воды. Поверь, на этом диване чего только не плескалось уже. И кипяток, и простая вода, и напитки покрепче...

– Оставь себе эти подробности. Мне не интересно.

– Ладно, можешь пока поершить свои иголки. Я уже забыл, какая ты бываешь...

Не вынесла его взгляда: ласкового, нежного... Такого, словно между нами ничего не случилось. Будто мы все еще там – в юности, где даже воздух сладок и искрит от нашей влюбленности. Где все невзгоды мира – мимо нас.

Отвернулась, подошла к окну. Вроде как, по делу: проверить, стала ли прозрачнее стена дождя. По факту – спряталась. И можно было спокойно сглотнуть и проморгаться. От чего-то вода с волос продолжала течь на лицо, заливать глаза. Мешала, в общем.

– Олесь. Ты можешь притворяться, сколько хочешь... – Он

опять незаметно подкрался. Заставил вздрогнуть, заговорив у меня прямо за спиной. Обдал шею горячим воздухом – своим дыханием и голосом.

Сердце остановилось. И никак не хотело идти снова. А мне нельзя умирать! Нельзя! Я не имею на это права!

– Я не притворяюсь, Жень. Прошрое закончилось. А теперь – я не хочу с тобой ни о чем разговаривать!

Стук в дверь заставил его отпрянуть от меня. Слишком резко, так, что волной холода обдало от этого движения. Хотя, куда уж холоднее? Даже здесь, в теплом и уютном кабинете, мои мышцы сводило от озноба и напряжения...

– Вы просили сменную одежду, Евгений Петрович... – Скромная девушка незаметной мышкой юркнула внутрь. Но я даже через плечо успела заметить ее любопытный взгляд: на меня, на Женьку, обратно... Бедная. Наверное, всю голову сломала, что это за нищенку решил подобрать их такой крутой, холеный шеф...

– Оставьте здесь. – Он, не глядя, вынул из бумажника пачку купюр, вручил девчонке, даже не пересчитывая. – Здесь должно хватить на компенсацию...

Красивый жест, ничего не скажешь. Такой же широкий и впечатляющий, как все, что когда-либо делал Женька... Он и красивое, и ужасное совершал с одинаковым размахом. И с таким же выражением лица: словно для него это ничего не значит.

Черт. На эту сумму можно было бы купить мне несколь-

ко комплектов зимней одежды. А ребенка одеть на пару лет вперед...

Сжала покрепче зубы, чтобы ничего лишнего не вырвалось. Ни к чему это. Мне от Женьки ничего не нужно!

– Это слишком много. – Девушка проблеяла неуверенно, даже попыталась вернуть половину... Глупая. Дают – бери. А бьют – беги. Истина, которую во мне каленым железом выжгла жизнь. И Евгений Петрович ее ненаглядный!

– Оставьте. Это за вашу отзывчивость и беспокойство. – Не слушая возражений, он просто вытолкал девушку за дверь.

И зачем-то ее запер.

– Держи, тебе нужно срочно переодеться. – Протянул мне сверток, пахнувший порошком и чьими-то чужими духами.

– Здесь негде.

– Ты меня стесняешься? – Белозубая улыбка. Такая открытая и беззаботная...

– Я не привыкла раздеваться перед чужими.

– А разве мы чужие, Олесь? – Он снова был чересчур близко ко мне. Настолько близко, что я ощущала запах мяты от его дыхания. И снова – аромат парфюма. Будоражащий, волнующий, разбередивший самые горькие и самые сладкие воспоминания...

– Конечно.

Демонстрируя, что сам ничего стесняться не планирует, он скинул пиджак. Расстегнул один манжет на рубашке, вто-

рой... Потянулся к пуговкам на рубашке.... Все это – не сводя с меня глаз.

– У меня нет времени наблюдать стриптиз. Там, кажется, дождь заканчивается. Пора идти. Спасибо за одежду, я в туалете переоденусь...

– Да брось ты, Олесь. Ну, я же не без штанов перед тобой стою... Отворачивается... Совсем смешно...

– А мне – нет. Выпусти меня, пожалуйста. Зачем ты закрыл дверь?

– Тебя это напрягает? – Он оглянулся, но даже не дернулся, чтобы открыть замок.

– Да.

– Послушай, Лесь... – В груди царапнуло от этого нежного «Лесь». Меня так мало кто называет. Только бабушка и он, Женька... – Что происходит? Почему ты так ершишься?

– Мне нужно идти. Ты меня задерживаешь. Все.

– Я так рад тебя видеть. Хотел поговорить, узнать обо всем... Неужели, ты не рада?! – И так искренне, с легкой обидой в голосе...

– Мне нечего тебе рассказывать. – Выплюнула эту фразу и снова до боли сжала зубы. Зажмурилась даже.

Внутри все клокотало и рвалось наружу. Мне так многое хотелось бы ему сказать! Столько слов, столько жалящих претензий, обид, вопросов! Думала, что это все уже умерло давно... Давно уже не вспоминала... Но стоило только увидеть его – и на тебе. Как бы не взорваться от этого кипения

внутри.

Он все равно не поймет. И уже не изменит, наверное.

Главное, что я теперь знаю: нельзя. Нельзя ему верить! Ни единому слову, взгляду, жесту! Только держаться подальше!

– Почему ты выбрала эту работу? – Он уже скинул рубашку и теперь поигрывал мышцами груди. Не для того, чтобы меня впечатлить. Просто так двигался, а тело его само себя демонстрировало. И соблазняло: даже мне, даже сейчас, после всего, было сложно глаза отвести...

– Я работаю, а не ворую. И на панели не стою. Что не так? – Знал, куда бить. И как унижить. Сразу в самое больное попал.

– У тебя же голова была золотая. Такие перспективы все рисовали! Почему так?! Зачем ты гроишь здоровье, таская тяжелые рюкзаки, по холоду и непогоде? Ты же достойна большего, Лесь!

Тварь. Какая же он тварь, все-таки!

Губы дрогнули. Пришлось прикусить, чтобы не выдать свою обиду и слабость.

– Спасибо, что напомнил. Завтра пойду, приму предложение какой-нибудь крупной корпорации. Все стеснялась до этого, теперь – не буду.

Он тяжело вздохнул. Мой ответ не понравился.

– Хочешь, выйду, а ты переоденешься?

Претила сама идея, что мне придется что-то от него принять...

Но чем я смогу помочь Артемке, если заболею? Только

сделаю еще хуже...

– Будь добр.

Как понять поведение этого человека? Как сложить его заботу и доброту с тем, что пришлось вынести несколько лет назад? Может, он был не в себе тогда? Может, забыл, что сделал? Или не понимал, как меня ломает?!

В крайнем недоумении наблюдала, как Женька выходит, как тихо прикрывает кабинет... Не поверила до конца: сама защелкнула замок, и только тогда решила скинуть мокрую насквозь одежду... Грязный кулек – вот и все. Хорошо, если получится просушить и отгладить, а не выбрасывать, ко всем чертям... Новые расходы мне совсем ни к чему. А новый комплект мне так быстро никто не выдаст...

– Все. – Сама распахнула дверь, почему-то готовая к тому, что там уже никто и не ждет.

Ошиблась – Женька сидел на диванчике, рядом стоял поднос с чайником, приборами и какими-то пирожными.

– Я тебя не отпущу, пока не съешь хоть что-нибудь.

Пирожные... Их бы Тёмке... Он таких и не видел никогда...

– Можно, я попью чай, а сладости возьму с собой? Сразу все не смогу в себя затолкать. – Тут и коробочка красивая стояла. Прямо в нее сложить и унести. Очень удобно!

– Я тебе другую дам с собой. А эти, пожалуйста, съешь здесь, со мной. Пожалуйста.

Что-то в этом «пожалуйста» заставило меня согласиться.

То ли тоска по прошлому, которое уже никогда не повторится... То ли я просто была голодная...

Глава 4

Прошрое. Несколько лет назад

Мне никто еще не открывал дверь, чтобы помочь усесться в машину. И не поправлял куртку, чтобы ее не зажало дверью...

Женька был первым, кто проявил повадки джентльмена. Первым, кто заставил ощутить себя настоящей леди.

– Это тебе. Держи. – Стаканчик кофе в картонной подставке благоухал, щекотал своим ароматом, как только я оказалась внутри.

– Мне? За что?

– Просто так. За то, что ты есть. – Все такие же глаза... как будто влюбленные? Как будто преданные, желающие просто смотреть на меня?

Быть такого не может! Я только что чего-то себе насочиняла. Или кусочек чуда, пусть самый маленький, может обломиться и мне?!

– Жень, объясни, наконец, как ты здесь оказался. У тебя же вся практика давно сдана? Это я пропустила несколько занятий...

– Сдана. Я подслушал, как ты с Иванычем договаривалась. Боялся, что не успею и упущу... – Он говорил так искренне, что не получалось не верить.

– И... Что? Ты приехал сюда ради меня? В воскресенье,

в такую рань? – Сказочное снежное утро готовилось стать волшебным по-настоящему. В груди что-то защекотало. И в животе. Стало так легко и радостно... Поймала себя на том, что улыбаюсь, как дурочка...

– Да. Хорошо, что Иваныч опоздал, и ты не успела заскочить внутрь. Иначе пришлось бы ждать тебя еще дольше... – Он зачем-то потянулся к моему лицу. Сдвинул шапку со лба, а потом и совсем ее снял, откинул на заднее сиденье.

Как замороженная, наблюдала за этими движениями, и даже сказать ничего не могла. Крепче держалась за картонный стаканчик – боялась уронить, расплескать, испортить этим всю сказку...

Женька поймал одну прядку волос, пропустил ее между пальцев... Самым кончиком пощекотал мои губы, приоткрытые от потрясения.

– Эй. Не надо. Не шути так!

– Ты все время так делаешь... – Второй рукой забрал кофе из моих рук, тут же осиротевших, не знающих, куда спрятаться. Я сжала пальцы в кулаки, чтобы нечаянно не вцепиться в полы его куртки – просто так, чтобы найти опору и совсем уже не потеряться. – Признайся, ты все время сидишь на первой парте, чтобы на тебя все смотрели?

Такое странное обвинение... И такое смешное...

– Я чуть не завалила первую сессию, потому что не видела, что пишут на доске. Спасибо, больше не хочу! Поэтому и сажусь поближе теперь...

Говорила какие-то слова, но в их смысле была не уверена: Женькины глаза куда-то затягивали, отнимали сознание и память. Я могла бы и мычать сейчас с таким же успехом, и не заметила бы сразу.

– Смотрю на тебя постоянно. И ты вечно крутишь эту прядь, прикусываешь, губы ею щекочешь... – Он почему-то перешел на хриплый шепот. Губы облизал. В машине еще не нагрелся воздух как следует, а мне отчего-то стало очень жарко...

– Я... – Окончательно потерялась во времени и пространстве. Один маячок остался, держащий меня на плаву – глаза. Его глаза, такие теплые и бархатные, что в них можно было запросто утонуть и не пожалеть об этом, ни капельки... – Я не специально... Просто так думать легче...

А он все играл с моими прядями, словно нечаянно касаясь костяшками пальцев кожи на висках и скулах. Как будто гладил, а вроде бы и случайно так получалось...

– Я знаю. – Улыбнулся коротко. Сухо даже. Испугал таким внезапным переходом...

Не успела совсем запаниковать, как случился новый казус, от которого можно было бы смело умирать... Женька притронулся губами к моему рту.

Мягко, бережно, легко... Снежинки так не умеют притрагиваться к коже, как это сделал он. Крылья бабочки жестче цепляются, чем Женины губы...

Что делать? Что делать? Что делать?!

Я же не умею целоваться! Совсем! Ни капельки!

Нужно же как-то отвечать... Он же сейчас поймет, что попал на полную неумеху... Засмеет.

И больше никогда не приблизится!

Он ничего не делал. Просто гладил мои губы своими. Вдыхал глубоко, словно пытался втянуть мой аромат. Сжал мое лицо ладонями, большими пальцами поглаживая щеки...

В ушах – звон. Под веками – белые яркие звездочки. В голове – пустота и кружение...

Я, кажется, падала в него и окончательно пропадала.

Он оторвался от меня так же внезапно.

Оставил в одиночестве и холоде. Так привыкла за эти секунды к его дыханию, смешанному со своим, что словно сиротой стала.

Его пальцы все еще лежали на моих щеках, зарывались в волосы, с какой-то невыносимой нежностью гладили мочки ушей... Я млела и таяла от этих прикосновений. И даже не смущалась, не стыдилась того, что похожа на кошку, млеющую от рук хозяина...

– Там Иваныч, кажется, пошел. – Женькин голос был какой-то не такой, неправильный. Охрип, загрубел.

– Ты не простыл? Как-то странно разговариваешь... – Осмелела вдруг, изумляя сама себя, тоже потрогала пальцем его верхнюю губу. И нижнюю...

Что-то в воздухе зазвенело. Или это в моих ушах, от неслыханной смелости и наглости? Даже в самых сокровен-

ных мечтах я не позволяла себе такого делать...

– Беги, пока препод не озверел. Я подожду тебя здесь.

Не ответил на вопрос. Отпрянул так же резко и неожиданно, как до этого начал целовать. Выскочил из машины, открыл мне дверь, помогая выйти.

И я рванула к крыльцу. Зажмурилась, почему-то ожидая летящей вслед насмешки...

– Стой! – Женька схватил за рукав. Развернул к себе. – Надень мой шарф. Шея совсем голая!

И опять, не ожидая разрешения, замотал в мягчайшую ткань. Пахнущую им...

Похоже, мне Иваныч меня сегодня выгонит раньше, чем я успею что-то внятное сказать... Потому что не смогу связать и пару слов. Слишком голову кружит этот парфюм.

– Я буду ждать, сколько потребуется. Не спеши. Сделай все, как надо!

И снова поцеловал.

Все. Теперь я точно была пьяная!

– Олесья... Вы себя хорошо чувствуете? Может быть, перенесем занятие? – Алексей Иванович озабоченно нахмурился, почесал переносицу, когда я снова ответила невпопад. – Я впервые вижу, чтобы вы так плохо соображали...

– Нет. Все отлично! Я просто немного рассеянна... Не выспалась, но сейчас соберусь! – Мысли о Женьке никак не отпускали.

Я то улыбалась, как счастливая дурочка, вспоминая свой

первый настоящий поцелуй, то вдруг начинала грустить и печалиться: а вдруг, это все было шуткой? Вдруг, Женя просто решил немного поиздеваться? И я сейчас выйду на улицу, а там целая толпа однокурсников, ржущих аки кони?!

– Мне будет жаль потраченного времени, Олесья. Не забывайте, я приехал в воскресенье, чтобы поработать с вами! Только ради ваших способностей и вашего будущего в нашем институте!

Пришлось покаянно вздохнуть и сосредоточиться.

Можно подумать, мне самой было в кайф тащиться сюда в единственный выходной.

Но учеба – единственная моя дорога в светлое будущее. Ради нее придется терпеть и пахать, стиснув зубы...

Алексей Иванович успокоился. И не поймешь: я так сильно постаралась и вникла в его задания и слова, или он просто пожалел меня, всю такую задумчивую, воздушную и очень влюбленную?

– Олесь, ты куда? – Он поймал меня на дорожке, ведущей от ворот к автобусной остановке.

Я же специально не смотрела в сторону парковки: не хотела расстраиваться. Уверена была, что никто меня там не ждет.

– Домой... – Еще пыталась притворяться, что очень удивлена. А сердце снова заходило в безумной пляске.

Дождлся! Он дождался меня! И даже не поленился догнать, остановить! Боже... Это ли не доказательство, что

Женька что-то ко мне чувствует?!

– Я ведь сказал, что заберу и отвезу тебя. Почему ты решила сбежать? – Он обиженно хмурился. И держал меня за концы своего потрясающего шарфа.

– Ты хочешь забрать свою вещь, да? Сейчас сниму, подожди... – Судорожно взялась разматывать. Руки тряслись – так не хотелось отдавать, отрывать от себя частичку Жени...

– С ума сошла? Я же тебе его подарил! Ты все время ходишь с голой шеей. Можно ведь застудиться! У тебя голос такой красивый – не смей его портить. И шарф не снимай, пока не потеплеет!

Сказка решила продолжиться. Вопреки моим страхам и сомнениям... И кто я такая, чтобы с этим спорить?!

– Я успел проголодаться, Лесь. Давай, заедем куда-нибудь, перекусим? – Женя уже незаметно развернул меня в обратную сторону и вел к своей машине. Держал за руку... Его горячая ладонь полностью закрыла мою, и теперь жгла своим прикосновением. Казалось, что прямо оттуда, из места сцепления наших рук, по мне расползались щекотные, мягкие, маленькие молнии. Они искрили и простреливали в каждом нервном окончании. Заставляли ежиться, шевелить плечами и бездумно, искренне улыбаться.

Шарф пришелся очень кстати: в него удобно было прятать эту глупую улыбку, чтобы Женю ею не спугнуть.

– Прости, но не получится. – Этот отказ мне дался с большим трудом. Так и подмывало согласиться: умчаться с Же-

ней в неведомую даль, забыть обо всем, о времени, о делах, об обязательствах... Но страх оказаться дома не вовремя был сильнее.

– Черт. Сегодня же воскресенье, Лесь. Не говори, что ты занята! – Он расстроился, и даже не пытался этого скрывать.

– Давай, в другой раз, ладно? – Я сделала это! Набралась смелости! Подняла руку и погладила его по щеке! Чуть не умерла от волнения...

– А в чем проблема-то, Олесь? Давай, помогу утрясти? Я же на колесах, подвезу, помогу, если нужно? – Он весь растаял будто, от этой легкой ласки – такой непринудительной, почти незаметной для кого-то другого... А для меня она была сравни подвигу. Наверное, Женя это как-то понял, догадался, оценил... Поймал мои пальцы, поднес их ко рту...

Сердце снова замерло: неужели, он сейчас мне пальцы поцелует? Быть не может такого! Со мною – точно не бывает!

Нет. Он сделал еще круче: подышал на них. Согрел... Даже зажмуриться захотелось от этого переживания...

– Ну, что, Олесь?

– Прости, но не сегодня. Правда, Женя. Я бы очень хотела, но никак!

А в голове лихорадочно метались идеи и способы: как бы все утрясти, как бы так исхитриться, и успеть с ним куда-то сходить. Ничего хорошего не приходило на ум...

– Ладно. Давай, подвезу тебя домой, хотя бы. А завтра куда-то сходим. Ладно?

Все. Теперь можно было точно падать в обморок: он и на завтра уже планы строил...

– Хорошо. Завтра, наверное, смогу...

– Побежали! – Он внезапно подхватил меня на руки. Закружил, заставляя визжать от восторга, ахать и замирать в испуге... И уронил в сугроб.

Специально! Практически положил! Спасибо, что не бросил!

– Ай! Ты что творишь?! Зачем? – Притворялась, что очень испугалась. Что возмущена и обескуражена... А сама заливисто смеялась. Я давно не валялась в снегу. Наверное, с самого раннего детства...

– Ты же Снегурочка, Лесь! Как же без снега? – Он свалился рядом, взметнув небольшой ураган из белоснежных хлопьев, подгреб к себе и снова прижался к губам.

Боже. Поцелуй со вкусом холода. И с ароматом мяты. Сладкий, холодный, отдающий каким-то неземным счастьем...

– Я сейчас промокну, Жень. – Мы вдоволь навалялись в сугробах. Наобнимались. Губы начали болеть от поцелуев... Но под куртку начал забиваться снежок, а потом – таять.

– Все, побежали в машину, Лесь. А то, действительно, замерзнешь и простынешь. Я этого не переживу!

Так же внезапно, как уронил, он подскочил на ноги, поднял меня и потащил к машине – не выпуская из объятий.

Счастье звенело в ушах. Отражалось эхом от пения сини-

чек. Падало искристыми звездочками снега с небес...

– Олесь. Ты такая красивая, когда улыбаешься. И румянец на щеках тебе очень идет. Улыбайся чаще, хорошо? Только для меня! – Он молчал всю дорогу, только изредка на меня поглядывал.

И лишь у подъезда, паркуясь, заговорил снова.

– Ну, для тебя я всегда улыбаться готова, Жень! Ты – классный!

Такою честной и открытой никогда и ни с кем не была, как в тот момент. Признание в любви тоже рвалось с губ... С огромным трудом затолкала его обратно.

Еще один поцелуй на прощание. И еще один. Целая россыпь – легких, воздушных, сладких, нежных... Голова кружилась. Воздуха было недостаточно...

– Мне пора. – Сидела бы с ним и дальше, утопая в нежности и ласке... Будильник спас. Тот самый, который я привыкла заводить – каждые два часа он отсекал мне время. Напоминал о разных важных делах.

– Я заберу тебя завтра утром. Ладно? Приеду, ты дождись меня обязательно!

– Пока, Жень! Я побегу! Если хочешь – напиши потом, договоримся. – Было очень страшно опоздать. И отказывать ему не хотелось...

Не оборачиваясь, не слушая, что он кричал мне вслед, понеслась к двери подъезда. Еще был шанс, что успею...

Глава 5

Олеся. Настоящее

Пирожные – такие миниатюрные, размером в одну мою фалангу... Их бы даже Тёмка мог проглотить, не разжевывая. Что уж говорить обо мне?

Закинула в рот парочку, в несколько глотков – залила в себя чай.

Желудок довольно поурчал, успокоился, тело согрелось...

– Спасибо, Жень, за угощение. Все было очень вкусно, мне пора бежать!

Он только успел присесть в свое крутое директорское кресло, едва потянулся к чаю...

– Да брось ты, Олеся! Куда торопишься? Посиди со мной, расслабься немного. Я тебя на машине подвезу, куда угодно.

– Нет. Я не могу...

Расслабиться. Насмешил, блин!

Как нормальный человек может расслабиться рядом с Женькой? Рядом с его заботой, вниманием, добрыми глазами, теплом, сочащимся в голосе?

Для него быть таким – хорошим- ничего не значит. Это в его крови, в характере, в генетике, наверное, – производить впечатление самого лучшего парня на свете!

Он даже не напрягается, чтобы быть таким. Просто берет и делает. А люди вокруг расплываются от умиления и сча-

стья...

Мало кто знает, что Евгений Петрович Аверченко и больно делает точно так же – не напрягаясь, не оглядываясь даже. Переступит через тебя, перешагнет, и пойдет дальше. И плевать ему, как ты валяешься в грязи, корчась от обиды и боли...

Что-то, наверное, отразилось в моем взгляде. Женька, тянувший руки, чтобы меня придержать, остановился на полдороги. Отшатнулся даже.

– Лесь. Расскажи мне хоть что-то о себе. Сто лет же не виделись! Ну, поделись, а?

– Нечего рассказывать. У меня ничего нового. Все так же.

– Ладно. Я вижу, что ты не в настроении. Могу понять – устала, замерзла, и меня увидеть не была готова.

– Спасибо. Ты очень понятливый. – Подхватила рюкзак, шагнула к выходу... Опомнилась: вернулась назад, прихватила коробочку со сладостями, засунула в сумку.

И – нет. Мне не было стыдно нисколько. Он же мне предлагал? Предлагал. А я сама такого никогда не смогу купить Тёме.

Моя гордость переживет что угодно, если речь идет о ребенке.

– Постой! Олесь! Дай мне свой номер телефона! Встретимся как-нибудь, поболтаем, когда ты будешь в настроении?!

– Я сама тебе позвоню, если настроение появится. – Про-

ще было ответить таким способом, чем послать его к черту: Женя туда не пошел бы, как ни посылай, а я уже жутко устала сопротивляться.

— Тогда провожу тебя, хотя бы. — На удивление, он согласился. Подхватил меня за локоток, повел к двери. — Чтобы не заблудилась.

Мы не успели сделать последний шаг — и слава богу. Иначе бы получили по огромной шишке на лбу.

— Женя! Я так и знала, что ты задержишься! — Навстречу нам шагнула шикарная блондинка. Очень шикарная: от блестящего колье на шее до сверкающих носков туфель. Про выдающуюся грудь и губы — лучше промолчать вовсе. — О. А это кто тут у тебя?

— До свидания. — Мне еще тут разборки с чужими женщинами не хватало!

Девушка показалась смутно знакомой... Но не было ни времени, ни желания выяснять — кто она, и откуда я знаю этот неприятный, жеманный голос и холеное лицо.

— Нет! Пойдите! Я хочу разобраться!

— Марин, оставь человека в покое. Никаких разборок на работе. Мы, кажется, это обсуждали? Или ты опять все забыла?

Женя полностью забыл о моем существовании. Переключился на новую гостью, подарив мне возможность сбежать.

И снова доказал: он умеет быть жестким, злым и опасным. И переключается в этот режим за секунду.

К черту! Бежать от него! Как можно быстрее бежать!

Рабочее приложение разрывалось от заявок. Можно было хватать любую и выполнять, работы всем курьерам сегодня хватило бы до поздней ночи. И заработать сегодня можно было бы шикарно...

Но я бы не смогла сегодня вообще ни с кем общаться больше. Ноги вели в одну сторону – только домой. Хотелось забиться в свой надежный угол и спрятаться. Обнять родных, напиться от них силой, теплом, верой, что я со всем справлюсь!

И забыть об этой встрече. Забыть и никогда не вспоминать!

– Я дома! Я пришла! – Ввалилась в квартиру совсем без сил. Ждала, что меня встретит громкий, радостный топот... Но навстречу вышла только ба...

– Ох, моя хорошая... Лесечка, видела бы ты, на кого сейчас похожа... – Бабуля тяжело вздохнула, шагнула навстречу, чтобы обнять. Ей плевать было, что я мокрая и холодная. И не боялась, что весь ее старенький халатик превратится в тряпки после объятий...

– Ну, кто ж виноват, бабуль, что такая погода?! – Аккуратно отодвинула ее, скинула все, до самого белья, не отходя от порога. – А где Артём? Почему он меня не встречает?

Какой-то непреходящий страх за сыночка – вечный, живущий со мной, не отпускающий, опять схватил за горло. Все самое страшное давно уже прошло. А мои страхи никак не

отпускали...

— К Ваньке-соседу пошел. Им же скучно сидеть по одному. Пускай там поиграется...

— Ох... Ладно...

— Олесь. Ну, что ты? Лица на тебе нет? — Бабушка сгребла мою мокрую одежду, потащила в стирку. Между делом погладила по голове, как маленькую. — Неужто, я бы тебе не сказала, случись что нехорошее?

— Сказала бы. Но я, все равно, пугаюсь, когда его дома не вижу... — Чихнула. Так смачно и громко, что, наверное, перепугала соседей...

— Ох, Леся, Леся! Зачем ты себя гробишь? Вот разве можно в такой ураган бегать по городу? Иди скорее, набирай ванну и грейся!

— Ба, ты же знаешь! Я пока ничего другого найти не могу. А кормить ребенка чем-то надо... — Это был вечный спор ни о чем. Бабушка считала, что проще уехать в деревню, жить там, на молоке и картошке, и больше ни о чем думать.

— Сходила б ты к матери... Все же, внук родной...

— Нет! Ты знаешь, ба! Никогда и ни за что!

— Ну, вдруг она поумнела? Может, внука захочет увидеть, понять?

— Она ждет — не дождется, когда мы исчезнем. И ты, и я, внук. Забудь об этом, бабуль. Не заставляй меня снова грустить и нервничать...

— Лесенька... Кто-то из вас двоих должен быть умнее, вну-

чечка... – Бабуля вновь завела свою любимую песню. Она никак не могла принять, что моя мать ушла из нашей жизни. Сама! Своими собственными ногами ушла!

А теперь, отчего-то, должна была ее возвращать!

При этом знали мы прекрасно обе: не выйдет из этого ничего хорошего, никогда. Только мое унижение и боль...

– Ба. Пожалуйста, давай, закроем эту тему? Я сейчас быстренько помоюсь и буду готовить нам ужин. А ты сходи за Тёмой пока. Соскучилась по нему ужасно, и лекарства уже пора давать.

Горячий душ немного спас: вода смыла холод, боль и мои колючие слезы. Почему вот именно так сегодня сложилось? И ураган этот грёбанный, и Женя, и бабушка про мать решила вспомнить?

Почему нельзя выдавать мне проблемы частями, небольшими дозами, чтобы окончательно не поломать?!

И даже поплакать под водой нельзя вдоволь: нужно быстро собраться, вытереть сопли и гнать на кухню, что-то съедобное для Тёмы сочинять...

Бабушкину стряпню он категорически принимать не хочет. Только мою.

Хотя, чему удивляться? Ребенок с детства не хочет есть каши на молоке, а бабуля упрямая: до сих пор их варит в надежде, что Артём однажды проснется и возжелает ее манку с вареньем...

– Мамочка! Мамулечка! Ура, ты вернулась! – Он подкра-

дывался от самого порога. Хотел испугать.

А мне оставалось только делать вид, что не замечаю, как крепкие, шустрые ножки топчут по деревянному полу, наводя грохот на всю округу...

– Ой, а кто это? – Присела, обняла его крепко-крепко, расцеловала в щечки.

Уже зарумянился, слава богу. Значит, есть шансы, что скоро долечимся!

– А это я! Я тебя испугал, правда? – Глазенки горят восторгом. Подпрыгивает от радости.

Целый день не виделись – соскучились ужасно друг по другу. Не оторваться от него, не напиться сладким детским запахом!

– А что ты мне приготовила? – Маленький носик зашевелился, пытаюсь понять по запаху, что там шипит в сковороде.

– Картошечку пожарила. – Лучше картошечки в нашей семье – только макароны. Но они были вчера. А как-то нужно меню разнообразить.

– С сосиской? Или с котлеткой?

Черт.

– Малыш, погоди, мне нужно помешать, а то пригорит!

Освободилась из его объятий, подскочила к плите. Чтобы не видел, как снова глаза покраснели. Поймет, что я расстроилась – будет грустить тоже, даже не зная, что стало причиной.

– Сегодня просто картошечка с маслом. Хорошо?

– Ммм.. А я думал, что будет котлетка....

В горле пережало.

Я слышала и видела не раз, как чужие дети валяются в истерике, требуя от родителей конфеты, игрушки, дорогие подарки... А мой сынок всего лишь хотел котлетку. И я не могла ее позволить – ни ему, ни себе.

– Это просто луком пахнет, а запах на мясной похож...
– Погладила по вихрастой головушке, пытаюсь утешить. – Я вчера все денежки потратила на твои сиропы и витамины, малыш. На мясо ничего не осталось, прости...

– А завтра? Завтра сделаешь? – Без претензий. Без обид. С надеждой...

– Мы скоро в садик с тобой опять начнем ходить. Там все будет, и котлетки, и всякая другая всячина...

– А твои вкуснее! – Он уже усаживался за стол, смешно ерзая попкой на высоковатом для него стуле. Схватился за ложку.

Мой золотой, мой самый лучший на свете ребенок! Невозможно представить, что его в моей жизни могло и не быть...

– Я получу зарплату скоро. И мы с тобой налопаемся от души, хорошо?!

– Ага! И сосисок еще купим, ладно? И бабулю угостим?

– Ну, как же мы без бабули-то? Устроим с ней настоящий пир!

Вспомнила заказы, которые таскала весь день за спиной. Когда-нибудь я даже смогу угостить его пищей, гамбургер-

ром и колой. И пускай все это вредно для малыша. Пускай! Он должен когда-то попробовать вкус нормальной детской жизни!

– А еще у меня для тебя сюрприз! – Вовремя вспомнила про пирожные. Как можно было про них забыть? – Лопай быстрее картошку, и тогда увидишь.

Смотреть на то, как он с аппетитом уплетает ужин – настоящее счастье. МЫ уже неделю лечились, и Тёмка сидел практически на одной водичке. Ничего в больное горло не лезло. Сегодня стало лучше, сто процентов. Пускай отъедается!

– Смотри! Вон, какие красивые пироженки! Мы таких и не видели с тобой никогда!

Корзиночки, завитушки, еще какие-то милые штучки – все это чуть-чуть помялось, пока я добиралась до дома. Но Тёмкиному восторгу это никак не помешало.

– Мам, а ты? – На четвертой по счету сладости он остановился. – Попробуй, они классные!

Вытерла щечки, перемазанные в креме. Натянута улыбнулась.

– Я же сладкое не ем, ты знаешь. Лучше себе на утро оставь, хорошо? А то зубки можно испортить!

Бабушка застряла у соседки. Можно понять: устала, бедная, целый день возиться с этим хулиганом. И теперь отдыхала с подругой за чашкой чая с вареньем... Ей бы тоже надо оставить парочку вкусных штучек – побаловать...

– Лесенька, внученька! – Ба появилась в доме как чудо: стоило только вспомнить – и вот она.

– Что, моя хорошая?

– Там какой-то мужчина по подъезду бродит. О тебе спрашивает!

Глава 6

Прошное

– Ты где была, шаболда?! – Стоило только ступить на порог, пришлось тут же уворачиваться от полотенца.

Мокрая ткань полоснула по щеке, зацепила ухо, обожгла своим громким шлепком.

Присела, закрыв глаза и рот. Пускай куда хочет бьет, главное – чтобы не оставила пятен и синяков. Я не смогу пойти в универ, если что-то будет «светиться» на физиономии.

– Где ты шлялась, тварь, я тебя спрашиваю?! – Матери показалось мало этих шлепков. Отбросила полотенце в сторону, стянула с меня шапку, вцепилась в волосы....

– На учебе. Я же сказала! – Если молчать – только хуже себе сделаешь. У мамы просто крышу сносит от злости, если на ее вопросы не отвечаешь...

– Какая учеба по выходным?! Что ты мне тут сочиняешь?!
Все ясно. Опять провал в памяти...

Не настоящий, конечно же. Когда нужно, мама вспомнит в деталях события, происходившие лет пять назад. Но если удобно, все очень быстро и легко забывается...

– Мне назначили дополнительную встречу по курсовой. На неделе я работала, было никак...

Морщась от боли, кое-как вывернулась из родных... таких злых и жестоких рук.

Главное – пережить вот этот первый приступ. Потом уже бить не будет.

А к ее крикам и истерикам я уже привыкла...

– Я видела твою курсовую! С кем ты лизалась там у подъезда? Шалава последняя! Хоть подумала, что вас все люди в доме видят?!

Мама выехала из деревни. Но деревня в ней так и осталась жить. Почему-то, самое главное в ее принципах: чтобы никто ничего плохого не подумал. А что творится в твоей жизни на самом деле – мелочи. Главное – хорошо выглядеть!

– Однокурсник меня подвез. Чтобы не замерзла по дороге... И денег сэкономила на билет...

Про билет пискнула так, без всякой надежды. Вдруг, ее жадность одержит верх? И все остальное забудется?

На бегу разулась и разделась. Юркнула в спальню.

Хотелось получить хотя бы секунду спокойствия. Выдохнуть. Вдохнуть. Набраться сил перед новым скандалом...

– Не дай бог, ты мне в подоле принесешь! Из окна выброшу, шлюха малолетняя, поняла меня?! – Крики за дверью никак не утихали.

Вот тебе и первый поцелуй. И первое свидание... Хотя в монастырь уходи...

От обиды вскипели жгучие слезы. Пара соленых капелек выкатилась на щеки...

Да что же такое?! Когда это все прекратится? У меня когда-то будет человеческая жизнь, или придется всегда быть

рабыней родительской ненависти?!

– Почему тебя никто не выкинул в окно, когда ты была беременной? – Распахнула дверь из комнаты с такой силой, что чуть не задела по лбу мать. Она еле-еле успела отскочить.

– А ты не оборзела, часом? Думаешь, один раз юбку задрала, и все? Стала большая, взрослая, все теперь можно, да?!

Я ведь люблю ее. Она – моя родная, единственная. Иногда бывает теплой, милой, доброй... Почему сейчас это лицо превращается в злобный, жестокий, похожий на зверя оскал?!

– Я не задираю юбку. Не придумывай, мама, того, чего не было. – Да, рисковала. Да, могла нарваться на новую порцию криков и побоев... Но бесконечно молчать и терпеть – да сколько можно-то? Я же человек, а не собака!

– Не дай бог, увижу тебя еще с кем-то! Убью! Не шучу, Олеся. Убью, своими собственными руками!

Ярость мамы утихла так же неожиданно, как и проснулась. Она развернулась и ушла на кухню.

Но это не значило, что можно расслабиться: в любой момент мог случиться новый припадок, и не факт, что там получится отделаться легким испугом...

Весь день, весь вечер и до глубокой ночи пришлось ходить на цыпочках, при этом драить квартиру, гладить белье, готовить, мыть посуду... Мама – отдыхала. По ее мнению, она уже свое отработала на меня, теперь пришла моя очередь

отдавать долги. Как будто я виновата, что ее первая любовь оказалась неудачной, а первый секс привел к моему рождению...

Глотала слезы обиды, кусала губы от накатов злости... И обещала себе: никогда, ни за что на свете! Пусть меня пытаются и бьют, не стану ничем попрекать свих будущих детей! А лучше – совсем рожать не стану! Пусть на мне остановится это колесо ненависти.

– Олесь, давай, запрыгивай!

Сердце ёкнуло. Так хотелось послушать Женьку, сесть к нему в машину и уехать. Не важно, куда. Главное, чтобы вместе с ним и подальше отсюда!

Вместо этого, глубже спрятала лицо в его пушистый шарф, руки спрятала в карманы, шаг ускорила... Быстрее, быстрее. Как можно быстрее убежать отсюда!

– Олесь, ты что? Не поняла, это же я, Аверченко?! – Мой неудавшийся ухажер не хотел успокаиваться, выскочил из машины, рванул за мной.

Но я успела сбежать, завернуть за угол. И понеслась еще быстрее, еще дальше...

Кажется, отстал.

Но только на время. Не успела шагнуть на пешеходный переход, как передо мной опять оказалась знакомая машина.

– Жень... Мне нужно идти. Опоздаю же! – От радости все внутри дрожало и тряслось. Хотелось прыгать и визжать от восторга.

– Так садись, отвезу. Нам же в одну сторону, Лесь? – На лице Женьки было написано искреннее недоумение. И чуть-чуть обида...

Оглянулась по сторонам. И назад посмотрела... Наши окна уже были не видны. И мать, кажется, не преследовала, хотя обещала, что будет провожать до самого универа!

– Давай, только быстрее! – Юркнула в салон и пригнулась. На всякий случай. Чтобы не нарваться на новые проблемы.

– От кого ты прячешься, малыш? – От этого нежного обращения даже уши загорелись. Так стало тепло... Меня никто никогда не звал малышом...

– Не приезжай за мной больше, ладно? – Не хотелось позориться больше и вот так прятаться.

Это было слишком унижительно. Слишком... Просто слишком для меня...

– Да ты что? Я здесь с семи утра караулю. Ты ведь даже свой номер вчера не оставила!

– Серьезно? – Он уже свернул на широкое шоссе, тут нас никто не смог бы рассмотреть. Можно было выпрямить спину, немного расслабиться.

– Конечно. Еле удержался, чтобы ночью не приехать, и не пойти тебя искать по квартирам! – Он улыбался. А я похлодела.

– Не надо! Не надо так делать, ни за что! Я тебя умоляю!

– А как быть, если я не знаю, в какой квартире ты живешь?

Глава 7

Настоящее

– Мужчина? Какой? – Можно было бы и не спрашивать.

Я в своей жизни знала только одного, способного на такой подвиг...

– Да бес его знает, Лесенька. Павловна со второго этажа позвонила. Говорит, встретила на ступеньках какого-то... ходит, в каждую дверь стучит и спрашивает, где Олеся. А ты же у нас одна здесь такая...

– Мама, а это кто? Зачем он к тебе пришел? – Тёма умел быть глухим, слепым и немым, когда я его о чем-то просила.

Но как только взрослые заводили речь о чем-то любопытном, локаторы этого маленького притворюшки начинали работать раз в десять чувствительнее.

– Не знаю, сынок. Я еще не видела, кто там... Может, человек вообще заблудился. Или Нина Павловна все перепутала...

Но сердце мое знало точно. И разум, в принципе, тоже подсказывал: Аверченко решил опять показать себя во всей красе. Только зачем ему это понадобилось, когда прошло уже столько лет?

Нужно было встать и идти. Рано или поздно, добросердечные соседки скажут ему номер квартиры. А если попадется любопытная Семеновна, она и сама его сюда проводит...

Но я словно приросла к стулу. Ноги не слушались, вилка тряслась в руке, почему-то потяжелев... уронила несчастный прибор с противным «дзыньк» на тарелку.

– Хочешь, я сама его встречу, доченька? – бабуля почуяла неладное. И Тёмка подозрительно нахмурился...

– Нет, ба. Сидите здесь. Я схожу...

Я должна оберегать мою маленькую семью от всяких посторонних. Аверченко – давно уже не тот, кого здесь с радостью ждут.

Замок скрипел и скрежетал. Ключ не хотел проворачиваться. Даже вещи были против нежеланного вторжения...

– О! Я знал, что найду тебя! – Женька стоял на нашей площадке, только у квартиры напротив, и уже занес руку, чтобы нажать на звонок.

Потрясающий человек: если ему что-то нужно, ни перед чем не остановится!

– Зачем? – Это был главный вопрос. Зачем и почему. Я так долго мучилась в поисках ответов. И уже почти успокоилась, решила, что и без них проживу... И вот он – шанс. Узнать и успокоиться.

– Ты забыла свои вещи в моем кабинете. Так быстро убежала, что я даже не успел тебе крикнуть...

Он опять улыбался, как ни в чем ни бывало. Как будто не понимал вообще ничего!

– Зря потратил столько сил. Их теперь только на выброс...
Пожала плечами, старательно изображая беспечность. Я

тоже так умею, если захочу: притворяться, что мне эти старания и забота совсем не нужны. И плевать, что сердце снова заходится. И щеки от смущения алеют...

Женька умеет свести с ума такими вот мелкими, ничего не значащими жестами. Знает, чем и как цеплять...

– Я завез их в экспресс-чистку. Все привели в порядок. Держи, – протянул мне яркий пакет, от которого невыносимо пахло чистотой. Свежестью. Богатством...

Я в такие места ни разу в жизни не заглядывала, зная, что мне это не по карману. И зачем такие траты, если все можно сделать своими руками? И постирать, и почистить, и погладить...

– Спасибо. Это все, что ты хотел? Тогда – счастливо. – Грубо и невежливо, да. Ба сказала бы, что очень некрасиво. И Тёмку бы я пожурила...

Но сама потянула за ручку, чтобы захлопнуть дверь перед его носом.

Позаботился – и ладно. Рассыпаться в благодарностях перед этим человеком я точно не планирую!

– Олесь... – Прикрыла глаза, чтобы не поддаться. Эта интонация... Такая интимная. Незабываемая... Плавит все внутри, ослабляет, лишает решимости.

– Мам, а это что за дядя? А что он нам принес?!

Артём! Обычно стеснительный и пугливый. Обычно прячется от любых посторонних, даже если знает, кого мы ждем...

Любопытная рожица просунулась меж дверным косяком и моим бедром. Так напористо и уверенно, что шансов запихнуть ее обратно – полный ноль!

– Сынок. Уйди в квартиру, пожалуйста. – Присела на корточки перед ребенком.

Чтобы лучше видеть его лицо. Чтобы проще уговорить его...

И чтобы не видеть лица Женьки. Загадала самое сокровенное желание: чтобы он сейчас же ушел! Вот испарился бы, свалился с лестницы, вылетел в трубу... Да что угодно!

Только бы не видел Тёму. И не задавал никаких вопросов...

– Мам, я уже съел свои пироженки! И тебе немножко оставил! – Тёмыч на ходу сочинил предлог.

– Я же сказала, что не люблю сладкое... Это все – тебе! Даже кончики ушей дымились, кажется. От стыда. И от того, как Евгений сверлил нас взглядом.

Не смотрела на него, и все равно – ощущала. Кожа горела. Сердце подбиралось куда-то к горлу.

– Я еще бабушку угощу, ладно? Можно, мамуль? – Хитрый носик упрямо поворачивался не в ту сторону. Его как магнитом тянуло к Женьке.

– Сын. – Пришлось включать всю строгость, на которую была способна. И даже чуть-чуть жесткость...

– Ну, что, мааааам?

– Мы с тобой обсуждали, что нельзя вмешиваться во

взрослые разговоры? А ты что делаешь?

– Так я пришел поздороваться. И все!

– Иди домой. Вернусь – поговорим! – Больно было смотреть, как он обиделся и скуксился. Ненавижу себя, когда приходится сгонять радость с любимой рожицы...

Но иначе нельзя. Иначе вырастет капризное, избалованное нечто...

– Постой, парень! А разве мы не будем с тобой знакомиться? Зря, что ли, ты сюда вышел?!

– Женя, я запрещаю! Ребенку нельзя общаться с посторонними! – Возмущение просто взорвало меня изнутри!

Познакомиться ему приспичило, надо же! Очнулся!

Так много всего хотелось выкрикнуть, выплеснуть на уroda!

И – нельзя. Рядом с Тёмой такое невозможно.

– Я ведь должен знать, какие сладости любит человек? Чтобы не ошибиться с выбором, когда приду к вам в гости?

– Сладости мне мама приносит! – «Человек» почему-то сегодня решил, что стесняться – не его конек. У него сегодня было общительное настроение.

– О! Так это же здорово! – Женьку тоже ничего не смутило. Наоборот, он присел на корточки перед... своим сыном...

Только сейчас меня накрыло полное осознание того, что творится. Я чуть не сползла по косяку на пол – ноги снова отказались держать...

Тёма чуть попятился назад. Все-таки, одно дело – вещать издалека, прячась за спиной у мамы, и совсем другое – когда незнакомый дядя к тебе приближается.

– А чего тебе мама не приносит? Но ты очень-очень хотел бы получить? – Взрослый человек – и так бессовестно взялся манипулировать маленьким, но между прочим, тоже человечком.

– Тёмушка, малыш, ты помнишь, чему я тебя учила? – Положила руку на плечико сына. Погладила по вихрам. Он задрал голову, ловя мой взгляд и старательное вспоминая...

– Много чему, мам. Ты мне скажи, и я сразу вспомню!

– Нельзя с посторонними разговаривать. А тем более – что-то у них просить и брать! Это же опасно, котенок!

– А. Я помню. Но ты же рядом, так разве тоже нельзя?

– А ты говори через маму, парень. Она мне обязательно все передаст! И все будет тип-топ, по правилам! – Опять. Опять решил научить моего ребенка плохому!

– Мам, скажи ему... – Мой гномик потянул меня за руку, заставляя склониться, и очень-очень громко зашептал на ухо. – Скажи, что я хочу картошку фри, кока-колу и найгецы! И пиццу! И гамбургер!

Молодец сынок. Весь в папу, похоже: вроде как, и ничего не нарушил, и своего добился...

– Слушай, дружище... А как тебя, кстати, зовут?

– Артём!

– Слушай, Артем! Ты мне все очень вредные вещи назы-

ваешь. Боюсь, таможня их не пропустит!

– Кто? – На слове «таможня» их взаимопонимание закончилось. Мой ребенок потерялся, опять насупился, шагнул назад, прячась за мое бедро...

– Ну, это мама, просто по-взрослому! Если я ей передам для тебя такие угощения, она же их не возьмет!

Евгений Аверченко рассуждал правильно. Как настоящий ответственный взрослый, которому в голову не приходит, что один раз в несколько лет можно и гадостей дать ребенку. Не растолстеет, коркой не покроется. А вот радости ему будет даже больше, чем от Деда Мороза в Новый Год...

– Тогда можно просто котлет! Только многа-многа-многа! Принесешь? Котлеты же полезные?

Я прикрыла глаза. От стыда. Тёмка вот так, запросто, легко и ненавязчиво выдал всю глубину нашей с ним нищеты...

Проще умереть, чем смотреть на потрясенное лицо Женьки.

– Эммм... Котлет? Любых? А где они продаются-то? – Теперь пришла пора и ему впасть в растерянность.

И при этом изучать меня цепко и пристально: будто впервые увидел.

– Тёма пошутил. Нам ничего не нужно. – Вообще ничего. Самый лучший подарок в жизни он мне уже сделал.

А дальше – сама. Как-нибудь сама. Иначе нельзя просто. Что-то во мне сломается, если я позволю себе принять хоть что-нибудь от Аверченко.

– Видишь, Артём, как-то у нас разговор не клеится... – До Жени дошло, наверное, что он уже давно переступил заветную черту и всюю топчется по запретной зоне своими грязными ботинками.

– А ты нам под дверь подбрось. Позвони и убеги. – Сын, как всегда, удивил. Со всей детской своей непосредственностью...

– А так можно? – Женька прикинулся очень удивленным...

– Ну, да. Как Дед Мороз. Он же всегда так делает....

– Малыш, иди-ка ты к бабушке. Здесь холодно, а мы еще тебя не долечили... – Не стала слушать его возражений, затолкала в прихожую, захлопнула за собой дверь.

Да, мой сладкий гном, конечно же, обидится. И даже не будет разговаривать минут пятнадцать-двадцать. И это будет самый мучительный период в моей жизни. Но мы обязательно с ним справимся.

– Олесь. У тебя все совсем хреново, да?

– Нет. Тебе показалось. Просто Тёмка – мясоед. Фанат жареного. Приходится ограничивать во всем.

Так странно. И так больно...

Обманывать отца своего ребенка, говоря о несуществующих привычках...

Но для Женьки этого ребенка и не существует, в общем-то. А Тёмыч – просто пацан, с которым захотелось пообщаться.

– Давай мои вещи, Жень. И я пойду. Нам уже пора готовиться ко сну...

Накатила внезапная дикая усталость. И плевать, что он обо мне подумает. Что осудит за грубость, наверное... Обидится, уйдет и никогда не вернется...

– Не позовешь в дом? Я так надеялся... – Он шагнул ко мне. Почти впритык. Нос к носу. Я опять могла ощутить аромат его одеколона... С новой ноткой – примесью женского парфюма.

– Я думаю, тебя ждут в другом доме. – Тут же вспомнилась красotka, чье эффектное появление помогло сбежать из Женькиного кабинета. Наверняка, ее духами он теперь благоухал. И кто я такая, чтобы портить жизнь этой женщине? Мою уже не восстановишь, так зачем еще одну ломать?

– Нет. Меня сегодня не ждет никто. Впрочем, как вчера и завтра...

Он не понял. Ничего не понял. Или, как обычно, отмахнулся от чужих желаний и мечт. Разве они что-то значат для Аверченко?

– Поразительно. – Так понравилась эта идея, что губы сами собой растянулись в злорадной улыбке.

– Что, Олесь? Что поразительно?

– Здесь тебя тоже никто не ждал. Ни вчера, ни сегодня, ни завтра... Никогда. Зря ты сюда приехал!

Глава 8

Прошное

– Лесь... О чем задумалась? – Женька дышал на мои пальцы, спрятанные в его кулаке, отогревал их.

– Ни о чем. Просто... – Я растянула губы в попытке улыбнуться. Вышло так себе. Говорить вообще не хотелось. Гораздо лучше и проще – уткнуться лбом в его плечо, прикрыть глаза и... впитывать в себя эти мгновения.

Дома снова будут крики и вопросы, где шлялась, почему так поздно... Мама, наверное, станет кричать, что пора бросать всю эту дурацкую учебу и идти на завод. Почему не в магазин, которых рядом куча, и везде нужны работники? Потому, что в ее представлении – это позор. Нет ничего более стыдного, чем обслуживать кого-то за деньги!

– Не хочу тебя отпускать, понимаешь? Не могу. Ты еще не ушла, Олесь, а я уже скучаю.

Прижал к себе. Закрыв от всех полами куртки, обнял руками сверху...

– Мне с тобой так тепло, Жень... – Доверчиво закинула голову, подставляя ему свое лицо и губы. Он так целует здорово, так нежно... Это невозможно прекратить. Нельзя остановить. Просто сил не хватает, чтобы оттолкнуть человека и убежать домой...

– Я тебя только что заморозил. Теперь обязан отогреть!

Майское обманчивое солнце жарило целый день. Я убежала из дома в легкой кофточке и короткой юбке. Мы весь вечер бродили по набережной, готовились к экзамену, спрятавшись под деревьями на укромной скамеечке... Не заметили, как жара сменилась легкой прохладой... А теперь меня трясло в настоящем ознобе.

— Сама виновата. — Теперь уже по-настоящему улыбнулась, неохотно уворачиваясь от его губ. — Нужно думать, в чем из дома выходишь...

— Ну, ты же не планировала, что будешь со мной допоздна бродить? — Хитрил. И не скрывал, что напрашивается на откровение... Что я признаюсь: конечно, планировала. И мечтала. И думать больше ни о чем не могла, кроме того, что сегодня снова его встречу. Наконец-то, после бесконечных выходных!

И юбка эта короткая, и тонкая блузка, и почти невесомая кофточка сверху — это все не просто так надевалось. И вовсе не из-за жары я так наряжалась!

— Ну...

— Скажи честно! — Поймал меня за подбородок, заглянул в мои глаза — своими, чистыми, искристыми, нежными.

— Не буду. А то зазнаешься! — Щелкнула его по носу, аккуратно и не больно, больше для смеха. И чтобы отвлечь от всяких неудобных откровенностей.

Это у Женьки легко получалось признаваться мне в своих чувствах. И про любовь он говорил спокойно, не напрягаясь.

Я же каждое слово давила из себе через силу. Стеснялась, боялась, не понимала: как это можно, вот так просто, взять и выложить все, о чем думаешь?

– Лесь... У нас тут праздник намечается. – Он внезапно посерьезнел. Напрягся. И тут же все мои мышцы стали каменными. Нехорошее предчувствие пробежалось морозом по жилкам.

– Какой?

– Ну, обычно экватор отмечают летом... А у нас половина курса куда-то уезжает сразу после сессии...

– А. Понятно. – Все это было от меня слишком далеко. Никогда не принимала участия в общих гулянках: не было ни времени на это, ни денег.

– Пойдешь со мной? Я не хочу без тебя, Олесь. Нужно, чтобы ты была рядом! – Это звучало не как просьба. И не намек. И не предложение.

Женька впервые требовал что-то.

– Зачем? Я так буду как слон в посудной лавке. Ты же видел: я ни с кем не общаюсь почти. И зачем мне теперь идти? – Не представляла даже, как окажусь среди расфуфыренных, насмешливых однокурсниц. Парни – отдельная тема. Я для них нищенка, недостойная внимания.

Зачем идти туда, где точно будет обидно, стыдно и унижительно? Только потому, что я попала в этот институт сама, не за деньги, а за знания. Редкий победитель ВУЗовской олимпиады, получивший стипендию и возможность учиться

бесплатно... Знала бы, как будет трудно, ни за что бы на очное не пошла! А теперь уже поздно...

– Ну, значит, пора пришла. Пускай все знают и видят: ты со мной! И слюни свои пускай больше не распускают!

– О чем ты? Какие слюни, Жень? Кроме тебя, меня же никто и не замечает!

– Смешная ты. И наивная... – Уложил подбородок на мою макушку, начал плавно укачивать... Я слушала, как мерно стучит его сердце, отдавая тихим гулом, и замирала, уплывала куда-то в сказку... – Ты и меня не видела, а я, блин, как дурак, все глаза переломал...

Я до сих пор не верила, что все происходящее – наяву. Что мне это не снится, не пришло в галлюцинации...

– Я не могу с тобой пойти, Жень. У меня и денег нет, что-бы вложиться... И мама не пустит. Ты же знаешь, как это все сложно...

Он понятия не имел, как меня встречали дома при каждом опоздании. Ни про самые грязные обзывательства, ни про мокрые тряпки и ремни... Никогда и ни за что не рассказала бы ему, как в меня летели ботинки, швабры... Слишком было стыдно говорить о таком вслух. Ни за что бы не позволила ему узнать об этом...

Но пришлось объяснить, что мне запрещено опаздывать и встречаться с мальчиками. Иначе лишат карманных денег.

– А давай, ты скажешь маме, что устроилась на подработку?

– Как это?

– Обыкновенно. Она же требует, чтобы ты в дом приносила какую-то пользу?

– Да. Требует. Только я не смогу на завод, Жень... Ты же в курсе: там не берут студентов на плавающий график. А в магазин – никак. Она меня выгонит из дома просто...

– Так ты не пойдешь никуда. Я просто дам тебе денег. А вечерами будешь говорить, что была на работе. Круто же я придумал, да?

У него глаза загорелись. И слышно было, что сердце застучало чаще. Женька был счастлив от своей идеи.

– Что значит «дам денег»?! Ты сошел с ума? – Начала выпутываться. Освободиться. Стало слишком жарко, тесно, воздуха не хватало. – Я кто, по-твоему, содержанка какая-то?!

– Боже. Олесь... Ты в каком веке существуешь? Я имею право что-то подарить своей девушке?!

Он даже обиделся, кажется.

– Подарок – не деньги. Это разное.

– Так ты ведь и от подарков отказываешься. Что мне делать?!

– Не хочу быть ничем обязанной. Прости.

– Ну, хоть что-то сделаешь для меня? Пойдем на вечеринку?

– Я боюсь. – И ни словом не соврала. Выпала со всей честностью. Сразу легче стало...

– Кого? Или чего?

– Чужое место. Чужие люди. Что я там буду делать?

– Это будет в моем доме, Олесь. Я – хозяин. И, поверь, никто не посмеет тебя обидеть!

Мне хотелось. Очень хотелось. До зуда в пальцах, до дрожи: хотя бы раз провести с ним вечер, не прячась, не таюсь, никого не стесняясь! И чтобы все вокруг видели: Женя Аверченко – мой парень!

– Ну, что, малыш? Ты что-нибудь решила? – Теперь не проходило ни одного свидания, чтобы Женька не вспоминал об этой вечеринке. Она никак не давала ему покоя, не выходила из головы.

– Я боюсь. – Я так устала давать ему бесплодные обещания. Находить все новые и новые поводы и причины...

Мы как будто на разных языках говорили: Женька кричал и требовал на языке своего желания, а я... шептала, все тише и тише, на языке своего страха.

– Чего, малыш?

– Я еще ни разу не оставалась где-то допоздна. Не представляю, как это можно объяснить маме...

– Ну, давай, ты придешь ненадолго, а потом я тебя отвезу? Вернешься в то же время, что и обычно?

– Смешно. – Было, вообще-то, очень грустно. От того, что я ему не верила. Какой парень в своем уме захочет бросать своих гостей в то время, когда веселье только-только начинается?

Меня никогда не пускали на подобные гулянки. Но от подруг и знакомых я очень много о них слышала. И знала, что самое интересное случается по ночам!

– Олесь. Ты мне не веришь, что ли? – Женя обиделся, кажется. Насупился. Немного охладел...

– Как я могу тебе не верить?

– Тогда... Не знаю! Давай, что-то придумаем, Олесь?! Как будто я заболел, и ты со мной сидишь в больнице?!

– Тогда я в той больнице и останусь. Только уже по-настоящему. А ты мне будешь апельсины носить...

У него так все просто и легко выходило. Так забавно...

Но ведь если я откажусь, что с нами будет?! Вдруг, он обидится, позовет с собой кого-то другого, а потом и совсем про меня забудет?! Я ведь этого не переживу!

Самая страшная дилемма в моей жизни. Самая нелепая и самая больная...

– Послушай. Мне кажется, я придумала! Не знаю, получится или нет... Но хотя бы попробовать можно!

Чуть не запрыгала от счастья. У меня появился лучик надежды!

– Говори! Говори быстрее, Лесь! Я готов на все, чтобы тебе помочь!

– Нет. Тебе не нужно вмешиваться, только хуже сделаешь! – Он нахмурился: Женька всегда хотел быть для меня героем, а тут – не получилось, да еще и потому, что я сама запретила!

– Почему?

– Это очень сложно, Жень. Если выйдет – я все сама тебе обязательно расскажу!

Он, вроде бы, поверил... Обнял. Осыпал поцелуями лицо, шептал мне глупые нежности, заставлял дрожать... Нам всегда не хватало с ним времени. Всегда хотелось быть ближе и дольше...

Бабушка, конечно же, не отказала.

– Лесенька, так что же ты ко мне совсем не переедешь, внученька? У тебя же совсем жизни нет? Знаешь ведь, я тебя не обижу!

– Бабуль, прости, но я так тоже не могу. Мама совсем одна останется... Я ее как будто предаю... – Чувство вины уже и так захлестывало с головой: никогда еще я так сильно не обманывала маму. Маму, которая всю жизнь положила на то, чтобы вырастить и поднять меня на ноги...

– Ох, пожалеешь ты, Лесечка. Ты уже большая. Пора бы отрываться. А Наталья тебя не отпустит никогда, так и будет на тебе вечно ездить! Ты же ей ничего не должна!

– Бабуль... Вот попробую у тебя недельку побыть... А там и посмотрим. Вдруг, все получится...

У бабули было хорошо и спокойно. Она ничего не требовала, ничем не грозила, и всегда была на моей стороне. Одна беда: это слишком волновало маму. Она возмущалась, ругалась, и вообще была не против, чтобы отправить бабулю куда-то в интернат. А то слишком много бед от нее и проблем!

– Ну, смотри, Лесечка. Ты знаешь, я тебе всегда рада. Даже заболеть могу, если хочешь...

– С ума сошла, бабушка?! Не смей даже думать об этом! Я лучше откажусь вообще от этой идеи! Не смей болеть, никогда! Иначе я сама умру!

– Хорошо, моя милая. Как я могу болеть, если есть ты у меня? Только ради тебя одной и живу, моя внучечка!

Я пробиралась к Жене окольными тропами. Прятала лицо под капюшоном и огромной шапкой. Наверное, это было смешно и глупо: в жаркий майский день кутаться, как в мороз... Но вдруг, мама внезапно решит прогуляться в этом районе? Вдруг, она меня увидит? Страшно представить, что из этого получится...

– Боже! Я не верил! До последнего не верил, что у нас все выйдет! – Женька сгреб меня в объятия, затащил в машину, прижался щекой к лицу. Обнимал меня так, словно я – главная драгоценность в жизни. Ради этих объятий можно было пережить все, на что я пошла...

– Женя, только не гони так! Я боюсь! – Он летел на всех парах. – Мы же никуда не опаздываем!

– Я не верю, Лесь! Не верю еще! Хочу убедиться, что ты – со мной. Что рядом, в моей квартире! И что там никто тебя не отберет!

Он казался одержимым. Но так лучился радостью, что спорить о чем-то было бы грешно... Я и сама заразилась этим ликованием: наконец-то, я впервые была на свободе! И

могла делать все, что захочу!

Пускай, как у Золушки, этот праздник закончится. Не в двенадцать ночи, а утром... Но эта ночь была моя. Можно веселиться, танцевать до упада... Держать Женю за руку, обнимать его – и не смотреть на часы. Ничего не бояться!

– Спасибо тебе... – Так захотелось погладить его по щеке... От нежности даже пальцы дрожали...

– За что, малыш? – Он поймал мою ладонь своей, поцеловал каждый пальчик. От этого его жеста у меня каждый раз прикрывались глаза и подкашивались ноги. Ничего теплее, слаще и нежнее в моей жизни не случилось...

– За свободу. Ты меня уговорил. И ты подарил мне ее!

Глава 9

– Жека, ну чего ты? Сколько можно сосаться? У нас пошло закончилось! – Хриплый голос какого-то парня заставил нас оторваться друг от друга.

Я с трудом открыла глаза, не желая возвращаться в реальный мир. Женя целовал меня без конца, покачивая в медленном танце. Это было немножко стыдно и совсем неправильно, наверное: вот так, не скрываясь, обниматься и ласкать друг друга на глазах у всех... Женины руки пробрались под край моей кофточки и теперь обжигали мою спину, заставляли плавиться, теряться в пространстве, томиться и гореть...

Но никто вокруг не обращал на нас внимания: каждый занимался своим делом. Кто-то пил, кто-то пел, кто-то устроил танцы на столе... Всем было весело, ярко, безрассудно и свободно. Я бы ни за что не подумала, что студенческие вечеринки – это так здорово, не только в кино, но и в реальности.

– Ты знаешь, где все стоит, Макс. Иди и возьми. Я что тебе, прислуга? – Женя грубовато отбрил друга, прижимая мое алое лицо к своему плечу. Он будто чувствовал, как меня накрыло смущение от того, что нам помешали.

– Ну, ладно. Хотел намекнуть тебе, что нужно сделать перерыв... – Макс не хотел отваливать, хоть ему на это и на-

мекнули. Хихикнул как-то очень похабно. – Вы тут шоу-то совсем не устраивайте. У людей камеры, помнишь? Завтра ваш вертикальный секс увидят все, кому станет интересно...

Ужас! Волна стыда накрыла с головой, я сжалась в комок, представляя, что вот эта чья-то «забавная» запись завтра дойдет до мамы... На этом и закончится моя никудышная жизнь!

– Спасибо за заботу, друг. Я, и правда, что-то немного увлекся. – Женя говорил с ним через мою голову, а сам продолжал успокаивающе гладить по плечам и спине.

– Смотри. Не подставляй девчонку. Тебе-то нечего терять, ты у нас парень известный... А ей-то нафиг оно надо?

Он ушел. Я застыла. Все обаяние момента куда-то схлынуло...

– Прости, малыш. Я чересчур увлекся... – Женя вел себя, как ни в чем не бывало. Потянул меня снова в танец.

– Мне стыдно.

– Хочешь, сбежим от них? – Его глаза горели бесовским, влюбленным, шальным огнем. Заражали меня безумием.

Так не хотелось потерять ощущение сладости. Потеряться в нем.

Когда еще у меня будет такое счастье?!

– Куда? А как же гости? Разве можно их оставить? – Задавала вопросы, а сама, затаив дыхание, мечтала, что Женя обязательно найдет ответы на все. И справится. И уведет меня от всех куда-нибудь. Туда, где мы будем только вдвоем

и вместе!

– Макс присмотрит. Ему не впервые. – Он куда-то потянул меня, в сторону от всех. Я послушно зашагала следом.

Темные коридоры, в которых уже не было посторонних, приглушали посторонние звуки. Было таинственно, томительно и загадочно.

Дыхание перехватывало от предвкушения. Я ведь не маленькая. И прекрасно знала, чего хочет Женя. Казалось, что сейчас начнется сказка...

– Не бойся, Лесь! Ничего не бойся! Все будет прекрасно, поверь мне! – Он шептал мне куда-то в кожу, задирая кофточку. Пальцами оглаживал ребра, обводил краешки белья, целовал живот, обводил пупок носом...

– Я не боюсь. – Было так сложно удержаться на ногах. Оставалось только держаться за плечи Жени, стоящего передо мной на коленях... Втягивала воздух через нос, сжимала зубы, а обратно его выпустить не получалось...

– Ты вся дрожишь, Олесь! И мурашками покрылась...

Только после его слов ощутила, что меня целиком трясет. Пальчики на ногах поджимались, бедра свело... Что-то очень тяжелое, плотное, горячее перекачивалось внутри... Будто вязкая лава искала выход, и никак не могла найти, поэтому крутилась, бурлила, закипала... В легких что-то шипело...

– Это от волнения... Не от страха...

Глаза, широко открытые, впитывали в себя все: и его скло-

ненную голову, с густыми вихрами на затылке, и широкие, надежные плечи... на них перекатывались мышцы – такие гладкие, такие красивые, после того, как Женя стянул с себя футболку...

Боже, только от этой красоты можно было бы сойти с ума! Любуясь им, пропустила момент, как с меня стащили всю одежду. Всю. Вообще.

И даже прохлада по коже не пробежала... Кипящая лава внутри согревала так, что можно было бы и голой на мороз: ничего бы не случилось со мной!

Упала на белоснежные простыни – как в кино! И так же глаза распахнула от восторга!

Прохладная гладкая ткань подо мной – и жгучий, раскаленный Женька – сверху. Вдавливает меня в простыни. И уже от этой близости – когда ни миллиметра между нами – хочется кричать в восторге. Я млею. Постанываю... Облизываю сухие губы... Ловлю его рот – так, кажется, легче будет дышать. Одно на двоих дыхание – это же так здорово! Это такое счастье! Так сладко и так легко...

И совсем не больно и не страшно, когда он делает первый рывок. Отчаянный. Смелый.

Кусаю его губу нечаянно... Шиплю...

– Ай! – Хором вскрикиваем. Тормозим. И улыбаемся друг другу.

Кажется, я только что нашла свою жизнь. Настоящую. Вот она – смотрит в мои глаза и плавно, очень осторожно дви-

гается. Ловит мою реакцию. Хмурится, когда я хмурюсь... Трется щекой о мою щеку, что-то шепчет сдавленно... Кажется, о любви. О том, что я – мечта. И что он умрет ради меня...

А потом я сама умираю. Неожиданно так. Только что было совсем некомфортно. Потом томительно, будто вот-вот что-то должно произойти... И колени сводит, и сжимается все в животе и груди... Тянет, ноет, заставляет морщиться и хныкать... А потом взрывается и летит. И я лечу. А упасть забываю. Теряюсь в темноте, в пространстве, в его ласках... Теперь и умереть не страшно. Вот прямо сейчас – пожалуйста, я готова!

– Вот, смотрите! – Какой-то неприятный звук вырывает из забытья! – Я же вам говорила!

Яркий, резкий свет лампы ослепляет, заставляет жмуриться, прятать глаза под ладонью.

– Сын, что это за шлюха в моем доме?! Кто тебе позволил тащить сюда грязь?!

И меня прижимает к постели. Раздавливает. Я физически ощущаю, как тонна грязи, тяжелой, вязкой, липкой выливается сверху! И под нею просто невозможно двигаться, дышать, смотреть... Жить невозможно больше!

– Отец, выйди, пожалуйста. – Спокойный голос Жени возвращает меня в реальность. Позволяет впервые вдохнуть по-настоящему. Поверить, что я еще могу пожить немного...

– Что?! Ты совсем охамел? Выкидывай отсюда эту

шваль! – Слышу тяжелые шаги, приближающиеся к постели. Корчусь, ежусь, превращаюсь в комочек. Надеюсь, что меня тут просто не заметят!

– Выйди. Мы сейчас оденемся и уйдем. – Женя твердой рукой прижимает одеяло, накрывает меня с головой, не позволяет отцу его сдернуть.

И я молюсь – за него. Прошу у Вселенной, у Бога, у всех на свете ангелов для Жени всего хорошего. Это моя ему благодарность. За то, что не позволил своему отцу смотреть на меня голую.

– Кто ты такой, чтобы здесь командовать? – Я не вижу лица мужчины. Но слышу по голосу, что он все больше и больше ярится. И каждое новое слово сына заставляет его сердиться все больше и больше.

– Пап. Я все понимаю. Ты не в настроении. Но не позорь меня и Олесю. Иначе я перестану тебя уважать.

Зажала рот кулаком, зажмурилась... Хотелось плакать и целовать его – за уверенность, за поддержку, за его спокойствие... За то, как надежно он пытался меня оберегать...

– Ты моего уважения уже лишился, сын! Я тебя предупреждал: никаких девок в моем доме! А это как понимать?!

– Это не девка. Прекрати ее обижать! – Еще крепче сжал меня. Погладил, пытаюсь успокоить даже сквозь одеяло.

Пауза казалась бесконечной. Хватка на несчастном одеяле ослабла – больше его с меня не стягивали, и на том спасибо.

Мужчина рядом с нами переступил с ноги на ногу – тяже-

ло, увесисто. Казалось, там стоит какой-то страшный великан, способный меня раздавить одним пальцем!

– Десять минут.

И шагнул куда-то в сторону.

– Что, пап? Я не понял?

– Чтобы через десять минут ее здесь не было!

Дверь грохнула так, что все вокруг затряслось. Еще чуть-чуть – и потолок упал бы нам на голову.

– Выбирайся, котенок. Время пошло... – Женя сел рядом со мной, но не спешил разворачивать из кокона, в который сам же и запрятал.

– Да. Сейчас. Он точно ушел?

– Конечно. Отец у меня тот еще альфач, но уж точно не извращенец, и разглядывать тебя не станет.

– Зачем ты так меня подставил, Жень? – Мне совсем не улыбалось проверять, что же может случиться через эти десять минут. Выскользнула из постели, принялась панически хватать свою одежду. Натягивала ее, даже не проверяя...

– Стой. Ты наизнанку блузку натягиваешь! – Он придержал меня за руку, снял кофточку, расправил и снова помог надеть.

– Какая разница? Мне бы успеть...

– Если оденешься неправильно, это к ссоре! – Он назидательно поднял палец. Улыбнулся невесело, чмокнул меня в нос. – Побежали, маленькая. Может, успеем еще...

– Куда? – Я глянула за окно. Там стояла ночь. Глубокая

и темная.

– Провожу тебя, Олесь. Не отправлю же одну на улицу?

Он снова вел меня темными глухими коридорами. Только теперь они потеряли свое очарование, и на сказку вовсе не были похожи... Скорее, на темный страшный замок, в котором где-то сидел страшный дракон...

– О. Надо же! Уложились...

Грозный дракон никуда не делся. И не прятался вовсе: он ждал нас в кресле в гостиной. Развалился там с каким-то напитком... Очень похожий на Женю – такой же статный и красивый.

Только злой. И взгляд – холодный и жесткий. Я будто заглянула в будущее: когда мой Женя повзрослеет, заматереет и будет вот таким...

– Пап, я вернусь, и мы поговорим. – Он даже не оглянулся в сторону отца. Только ускорил шаг и потащил меня в сторону двери.

– А ты куда собрался? – Мужчина резко поднялся и шагнул к нам.

Я не привыкла показывать страх. Жизнь научила: чем сильнее трясешься, тем больше тебе прилетает... Но тут не смогла не сжаться. Спряталась у Жени за спиной...

– Провожу Олесю – и вернусь. – Он вообще ничего не боялся, кажется. Не дрогнула ни одна мышца, когда отвечал отцу.

Спокойно взялся за ключ, провернул его.

– Сама придет, не маленькая. Ты останешься здесь. – Припечатал. Размазал.

От одних этих звуков хотелось бежать отсюда, сверкая пятками.

– Ночь на дворе. Я не пущу девушку одну никуда. Довезу и вернусь. Ничего не случится за это время!

Женя отвечал такими же фразами – короткими, рублеными, бесстрастными. И от этого становилось еще страшнее. Никогда я не видела еще, чтобы люди так себя вели с агрессором: без страха, скорее, с вызовом...

– Ключи на стол положи.

Господи. Чем он еще накажет сына? И за что, главное, за меня?! Разве я сделала этому человеку что-то плохое?

– Как скажешь. – Женя усмехнулся. Не спеша, отцепил автобрелок от связки, швырнул его на журнальный столик.

– Карта твоя заблокирована. Такси не вызывай. Не позорься. Заплатить не сможешь!

Где-то в глубине помещения пискнула девчонка.

Наверное, та самая, что привела его в нашу комнату. Ее не видно в темноте, зато прекрасно слышно отчаяние... Она молчала все это время... А теперь вот. Похоже, что Женькина карта без денег – единственное, что могло ее так сильно задеть...

– Пешком пройдем. Не беда.

– Телефон тоже клади сюда.

– Бать! Может, мне и трусы оставить? Если тебе так ней-

мется, могу и голым уйти! Ты этого хочешь?!

Женя впервые повысил голос. И это показалось мне полным концом. Сейчас они подерутся, наверное...

– Уйди с моих глаз! Сейчас же! И чтобы к утру был дома!

Дверь, захлопнутая Женей за нами, могла бы разрушить весь дом. Уши заложило от грохота.

– Пойдем, Олесь. Пешком, конечно, дольше, но мы с тобой доберемся!

– Прости меня, Жень... Я не думала, что так выйдет...

Мне до боли было жалко его. Никогда никому не желала таких ссор: как ни притворяйся, что тебя это не трогает, не задевает, это все равно больно. Можно научиться надевать броню, не дергать ни одной мышцей... А внутри все истекает кровью...

– С ума сошла? За что ты просишь прощения, малыш? – Он сгреб меня в объятия, прижался к макушке подбородком... Начал укачивать, как маленькую... – Отец не должен был появиться сегодня. Он уехал в гости к другу на несколько дней...

– Думаешь, кто-то настучал?

– Конечно. Но я разберусь с этой стервочкой. Не бойся. Все будет хорошо, малыш!

Глава 10

Олеся. Настоящее

– Ты же одна сейчас? – Аверченко имеет какой-то избирательный слух: все, что ему не нравится, он просто пропускает мимо...

– У тебя проблемы, Евгений. Только не пойму с чем: с памятью, зрением или с умением считать...

Перетаптываюсь на пороге. Уйти бы уже, хлопнув дверью перед его носом. Запереться на все замки, набросить цепочку... И снова жить в спокойствии, с бабулей и сыном...

Но что-то не позволяет. Что-то держит меня вот здесь, в холодном подъезде, в тапочках на босу ногу...

Знание, что он так просто не уйдет? Что может вернуться и завтра? Или, еще хуже, начнет стучать и долбиться, пока опять не открою?

Или что-то еще, другое? Ищу в его глазах что-то. Проклинаю себя за эти попытки, ненавижу свою слабость... И все равно: ищу.

– Я видел, что у тебя ребенок, Олесь. Не передергивай. И не притворяйся, что не понимаешь... Ты же умела мои мысли читать, помнишь?

Делает шаг в мою сторону.

А я... Я не могу. Я спиной упираюсь в собственную дверь. И бежать мне уже некуда.

Беспомощно поднимаю ладони, пытаюсь хоть так удержать дистанцию... И Женька, всегда такой упёртый, не замечаящий препятствий, застывает. Всего в миллиметре от моей кожи – как будто вкопанный.

– У тебя нет мужчины. Я вижу это. И мальчик твой не сказал, что вкусняшки ему приносит папа. Только про тебя говорил. Это ведь так?!

Этот вопрос... Больной. Унизительный. Мать-одиночка – сколько раз меня втапывали в грязь этими словами. Даже те, кого это никак не касается! Размазывали меня по асфальту, не давая и шанса на оправдания!

В устах человека, виновного в этом статусе, он несет заряд разрушительной силы.

Меня колючками изнутри разрывает. И от этой боли хочется вцепиться Аверченко в лицо, выцарапать ему глаза. Чтобы ушел и никогда не возвращался больше!

Внутри все дрожит. Но я только сжимаю зубы и смотрю на свое отражение в его радужках.

– Олесь? Что ты молчишь? Я же просто хочу узнать о тебе хоть что-нибудь!

– У тебя сменились интересы, да? Простые невинные дурочки – уже скучно? Хочется чего-то с изюминкой? Чтобы еще и с детишками были?

Кулак врезается в стену рядом с моей головой. Испуганно замираю. Чего-чего, а вот таких выходов за Женькой раньше не наблюдалось... Теперь становится

страшно по-настоящему...

– Да что такое-то? Почему ты каждое мое слово в штыки воспринимаешь?

Он с таким изумлением смотрит на свои разбитые ко-
стяшки... Словно и сам от себя такого не ожидал.

– Мне кажется, вопросы не мне нужно задавать...

Потихоньку оттаиваю. Бить он меня не собирается. И
кровь на кулаке – отлично отрезвляет самого Аверченко.

– А кому? Скажи, Олесь. Я обязательно их задам...

– Найди себе хорошего психиатра.

– Найду. Найду, обязательно! Я с тобой свихнусь оконча-
тельно, Олесь! Вот прямо сейчас с ума сойду!

Я видела людей под разными веществами. В нашем райо-
не какие только не встречаются...

Но то, что творится с Женькой, ни на что не похоже. Его
ломает, но взгляд остается чистым, цепким и пристальным...
И очевидно, что ему плохо. До такой степени, что даже мое
равнодушие и неприязнь начинают таять... Не могу смот-
реть, когда кто-то страдает!

– Уйди. Не мучайся. Тебя сюда никто не звал. – Пожимаю
плечами. Чем еще ему помочь – не могу придумать... Луч-
ший выход – забыть друг о друге снова. Лучший для всех нас.

– Да конечно!

Не успеваю моргнуть, как оказываюсь стиснута его рука-
ми. Крепко держит мою голову в ладонях, впивается губами
в мои губы... Это совсем не та нежная, томительная ласка,

что до сих пор меня мучает во снах. Голодный, жадный, убивающий поцелуй, выпивающий дыхание. Он что-то требует от меня безмолвно, терзает, мучает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.